

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

14–21 сентября 2004 года (Алука, Севастополь) РАН, НАНУ и НАНБ, МГУ и Алукинский Историко-архитектурный заповедник провели совместно конференцию “Северное Причерноморье: к глубинам славянской культуры” [II чтения памяти академика О.Н. Трубачева (23.10.1930-09.03.2002)]. Тематика докладов и сообщений определялась кругом научных интересов О.Н. Трубачева.

В сообщении Г.А. Богатовой (Москва) “Систематизация архива и библиотеки О.Н. Трубачева: библиографические издания” речь шла о работах, проводимых совместными усилиями сотрудников, сподвижников, учеников О.Н. Трубачева и студентов Академии Славянской культуры по систематизации архива ученого, о подготовке издания неопубликованных трудов и двухтомного сборника статей по этимологии¹.

Во время обсуждения данного выступления было высказано предложение переиздать книгу О.Н. Трубачева “В поисках единства” в России, Беларуси и Украине.

В докладе А.В. Назаренко (Москва) было обращено внимание на то, что сведения письменных источников, археологические материалы, данные исторической географии дают основание очертить для IX в. в Восточной Европе два непересекающихся ареала, связанных один – со скандинавским присутствием, второй – с древнейшей *русью* (какой бы этнос или социальную группу ни понимать под этим этнонимом). Первый охватывал Северо-западную часть Восточной Европы (Поволжье, Приильменье, Южное Приладжье, Верхнее Поволжье и Верхнее Поднепровье) и характеризуется прежде всего наличием здесь торгово-ремесленных поселений, ориентированных на международную торговлю (Ладога,

Рюриково городище, Тимерёво, Гнёздово и др.), а также обильными кладами арабского монетного серебра. Во втором ареале не было в IX в. ни монетных кладов, ни упомянутых торгово-ремесленных поселений. Этому обстоятельству соответствует и отсутствие в это время в Среднем Поднепровье скандинавских археологических древностей. Яркой лингвистической иллюстрацией такому положению служит форма этнонима *русь*, свойственная памятникам IX в. древневерхненемецкого происхождения (*Ruzzi, Rûzûra*), в которых наблюдаем корневое *-û-*, что говорит о том, что этноним был заимствован в древневерхненемецкие говоры в славянской, а не в гипотетической древнескандинавской форме с *-ô-*. Это ставит само существование последней под большое сомнение. На основе славяноязычных форм с *û-* естественным образом объясняется и греческая форма IX в. *ρωσοι*, так как греч. *ω* была обычным субститутотом слав. *-û-*. Таким образом, если даже южная, среднеднепровская *русь* IX в. была этнически скандинавской, стратегия ее поведения в восточнославянском окружении была принципиально иной, чем на севере, и была направлена на скорейшую славянизацию с усвоением даже славянской формы собственного самоназвания.

Доклад К.А. Максимовича (Москва) был посвящен взглядам О.Н. Трубачева на происхождение этнонима *Русь*. Докладчик указал на перспективность изучения следов индоарийского языкового субстрата, открытых О.Н. Трубачевым, в связи с сообщениями восточных и византийских источников о народе *ροσ/рус* в Северном Причерноморье (VI–IX вв.). Особую ценность имеет сообщение сирийского историка VI в. (Псевдо-)Захари о народе *Нгах* в “стране амазонок” (т.е. в Северном Причерноморье). Доказанное новейшими исследованиями (Н.В. Пигулевская) армянское посредство в передаче этнонима заставляет отказаться от толкования *Нгах* как библеизма *Ρωξ* и признать наличие в Причерноморье VI в. народа *Ροσ*, который и стал

¹ Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 1. М., 2004 г.

известен в Сирии через армянское языковое посредство.

В сообщении А.К. Шапошникова (Коктебель) “О.Н. Трубачев как лексикограф. Об опыте Этимологического словаря славянских языков за 30 лет издания” речь шла о принципах и подходах О.Н. Трубачева к отбору и трактовке праславянской лексики, о преемственности его школы, о необходимости сохранить в неизменном виде как структуру словарных статей, так и критерии отбора материала, о неприемлемости корневого и гнездового принципов построения этимологических словарей. Докладчик сообщил о внедрении новых компьютерных технологий в дело написания и подготовки к печати 33 и 34 выпусков ЭССЯ, поделился опытом применения словаря при разработке ряда тем, выходящих за пределы чистой лингвистики: сравнительной мифологии, истории ремесел и прикладных искусств, описании базовых сигнальных систем славянских этносов разных эпох, этногенеалогических и этнографических исследований.

П.В. Чекурин (Рязань) в докладе “Северное Причерноморье в трудах славянских ученых XIX в.” сделал анализ трудов историка Д.И. Иловайского (1870-х гг.), позволяющий определить вклад ученого в исследование славянской истории. В первых исследованиях Д.И. Иловайского были обозначены особенности окско-донского района и определены направления движения вятичской и рязанской цивилизации по Оке как независимые. В личном фонде историка сохранились подготовленные материалы к книге “Русская цивилизация”, которая начиналась с истории руссов. Встреча на I Археологическом съезде с И.И. Срезневским помогла вполне обоснованно поставить в русской историографии вопрос об Азово-Черноморской Руси со своей самостоятельной, докиевской историей. Поиски его в этом направлении во многом гипотетичны, не лишены ошибок, однако, обогащая науку скрупулезным исследованием летописных источников, трудов восточных авторов, результатов археологических изысканий и были поддержаны С.А. Геденовым и Д.И. Багалеем, Н.И. Костомаровым и А.Н. Пыпиным. М.К. Любавский, Ю.В. Готье, Ал.И. Яковлев, С.В. Бахрушин, С.Б. Веселовский, М.М. Богословский и А.Н. Соболевский отметили, что “Разыскания о начале Руси” Иловайского “пролили много света на начальные времена русской истории”. Лингвистическую модель Азово-Черноморской Руси на базе многолетних исследований славянских языков впервые создал академик О.Н. Трубачев. В докладе были привлечены результаты ре-

гиональных исследований этнографов и археологов.

А.А. Дудин (Рязань) в докладе “Южная Русь и Рязанская земля в работах О.Н. Трубачева” указал на то, что Южная Русь и Рязанская земля когда-то были очень близки и, возможно, даже составляли сложное единство. Еще в скифо-сарматское время культурный ареал Северного Причерноморья простирался практически до современной Рязани. В древнерусское время Южную Русь и Рязанскую землю соединяли древние торговые пути, Тьмутараканские волости принадлежали рязанским князьям. А накануне тяжелых испытаний 1237 г. в “пределы рязанские” священником Евстафием из Корсуня-Херсонеса был принесен образ “Никола Корсунского Заразского”, ставший самым почитаемым в Рязанской земле. Анализ собранных исследователем историко-культурных материалов получает значительную лингвистическую аргументацию при использовании работ О.Н. Трубачева. О.Н. Трубачев считал, что важной проблемой является юго-восточный фланг вятичей, максимальное расширение которого определяется многими учеными (в основном XIX – начала XX в.) как Азовско-Черноморская Русь. Для О.Н. Трубачева лингвистическая модель Азовско-Черноморской Руси – это донецко-донской и приазовский гидронимический ареал, хранящий многие черты славянской этноязыковой периферии. С реконструкцией рассматриваемого нами ареала тесно связаны поиски О.Н. Трубачевым центра великорусского языкового ареала, помещенного ученым в земле вятичей, в основном в районе современной Курско-Орловской группы говоров. Оттуда с разной силой распространялись инновационные волны: аканье, формы множественного числа существительных мужского рода на *-а*, форма среднего рода *коромысло* и др. Проблема Юго-востока восточнославянского историко-культурного и языкового ареала остается одной из важнейших, и мысль О.Н. Трубачева, что “пространство русского языка и племени реально было другим”, дает исследователю угол зрения для ее рассмотрения.

Были прочитаны доклады акад. В.В. Седова (Москва) “Расселение славян на Восточно-Славянской равнине из Дунайского региона” и М.А. Васильева (Москва) “Роль Дуная в этногенезе славян”, посвященные проблемам теории среднедунайской прародины славян.

С.В. Назин (Москва), прочитав доклад Н.А. Николоевой (Москва) “Концепция индоевропейской прародины (IX–III тысячелетия до н.э.)”, сделал сообщение “Славяне на

Дунае: мигранты или автохтоны”. По мнению исследователя, имя *славяне*, ‘ясно говорящие’, возникло как самоназвание нероманизованного славяноязычного автохтонного населения Паннонии, распространившись затем на весь праславянский мир. Ср. типологически сходные названия ‘ясно говорящие’ *шкитпарет* (албанцы) и *euskaldunak* (баски).

А.А. Дудин (Рязань) сделал презентацию последних книг О.Н. Трубачева “*Indoagica в Северном Причерноморье*” (М., 1999) и “*Этногенез и культура древнейших славян*” (М., 2002).

Материалы, теоретические обобщения, этимологии, собранные О.Н. Трубачевым за многие годы в виде исследования “*Indoagica в Северном Причерноморье*”, можно, конечно, представить как продолжение теории Пауля Кречмера. Кажется, все здесь верно: Кречмер, действительно, стоял у начала вэчной индоарийской проблемы в Причерноморье, и его две-три этимологии предшествуют сотням наших. Но не было у Кречмера ни индоарийской концепции языка и этноса тавров Крыма и нижнеднепровской Старой Скифии Геродота, не было и упомянутых многочисленных этимологий, от значительной части которых все-таки трудно отказаться (хотя у твердо настроившихся иранистов они обычно не встречаются одобрения). Искать подлинное начало надо, очевидно, по справедливости, в самих недрах принципиально новой концепции индоиранского изначального размежевания, существования и окончательного раздела еще на промежуточной прародине.

Еще первое издание “*Этногенеза...*” (1991) вызвало живейшие отклики как коллег этимологов и культурологов, так и широкой читающей общественности, интересующейся вопросами славянской этнической истории, материальной и духовной культуры древнейших славян. Многое из этих откликов и пожеланий учтено в дополненном втором издании. В книге рассматриваются индоевропейские истоки праславянского языка и этногенеза, ставятся под сомнение популярны концепции социальной и этнической истории индоевропейцев, приводятся некоторые свидетельства археологии, еще раз делается попытка ответить на вопрос “когда появился праславянский язык?”, развенчиваются некоторые мифы сравнительного языкознания и истории культуры. О.Н. Трубачев пришел к важному выводу о том, что центр праславянских фонетических инноваций располагался в Паннонии, туда же уходят корнями и многие культурные инновации. В частности, система раннеславянских керамических мер жидких и сыпучих тел (по данным археологии) соответствует системе

римских провинциальных мер. Славянский ареал, очевидно, размещался некогда в Центральном Европе к югу от Карпат.

В программе дневного заседания был представлен доклад акад. В.Н. Топорова (Москва) “*Балтийские этнонимы в списках Геродота*”.

Выступление Н.И. Семенова (Феодосия) “*Наблюдения по мифологии Крыма*” было посвящено выяснению семантики культа таврской богини Девы. Реконструируемая на основе индоиранской мифологии, эта богиня предстает как одно из центральных божеств ариев. “Во время оно” она вдохновила Индру на бой с Вритрой. Ее культ предусматривал ежегодное (зимой) ритуальное воспроизведение этого подвига для регенерации Вселенной. “Вритрой”, по-видимому, служили “греческие мореходы”, прибывшие из вод Нижнего мира, Темного моря, места обитания сил зла, змея Вритры. Отсюда, между прочим, автор предполагает происхождение гидронима *Черное море*. Данная гипотеза встретила развернутую критику со стороны А.К. Шапошников, подчеркнувшего естественное отличие мифологической картины мира у степных кочевников, обитающих у большой реки, и горных земледельцев и скотоводов. К тому же, данная концепция противоречит всему комплексу нарративных, изобразительных и археологических сведений о таврских культах и местах их отправления.

В докладе И.Г. Добродомова (Москва) “*Проблемы хронологической и лингвистической стратификации топонимии Северного Причерноморья*” показана языковая и хронологическая разнородность географических названий рассматриваемого региона и их связь с соседними регионами с учетом их исторической изменчивости. На материале тюркского географического термина *кермен* ‘крепость, город’ и славянского *село*, отраженного на тюркской почве как *сала* в языках, связанных с Древней Русью, докладчик отметил трудности, возникающие при определении времени возникновения топонимов и их языковых источников. В изучении этой топонимии желательно наряду с экстенсивной фиксацией современного и исторического материала развивать его интенсивную интерпретацию, для чего уже создаются необходимые условия.

А.К. Шапошников (Коктебель) в докладе “*Древнейшая ономастика Таврического полуострова. Готия*” представил исследование из цикла работ по реликтовой ономастике Таврического полуострова, посвященное историко-культурной области Готия. Данная область расположена в водосборных бассейнах

рек Бельбек и Черная, к ней же относилась часть южного таврического берега от Гераклейского полуострова до Никиты (в XIV–XV вв. включала округа Гурзуфа, Партениты, Алушты). Возникла она в раннем средневековье, в последней трети III в. н. э. и просуществовала до последней четверти XV в. Но и позднее население этой области (таты, урумы в турецко-татарской номенклатуре) продолжали сохранять свою этнокультурную самость до переселения христианского населения Таврического полуострова в Приазовье в последней четверти XVIII в. Известия о сохранении готского языка населением Таврической Готии относятся к XVI в. Сравнительно-сопоставительный анализ остатков языка таврических готов выявляет его значительную отдаленность от собственно готского языка (в том виде, в котором он представлен письменными памятниками) и реликтов прочих восточногерманских языков. Вместо этого отчетливо выступают сходства с некоторыми западногерманскими языками, особенно с древневерхненемецким (баварским, аламанским), древнесаксонским, древнефризским, древнеанглийским и проч. При этом наблюдается очевидная синхронность языковых изменений таврическо-готского языка с преобразованиями ранненовверхненемецких диалектов 1350–1650 гг. Как принято думать, второе передвижение согласных древневерхненемецкого облика возникло в VI в. в области распространения лангобардских диалектов и имело субстратную (иллиро-кельтскую?) природу. Выявление подобного передвижения в изолированном таврическом готском побуждает предположить их адстратное происхождение. Пожалуй, единственной лингво-этнической связующей между верхненемецкими и тавроготскими диалектами можно считать герулов (греч. Αἰρούλοῖ, лат. Nequili), которые после длительного обитания в Приазовье (с середины III в.) переместились в верхнее Подунавье (в VI в.), где вошли в языковой союз с лангобардами, баварцами и другими носителями верхненемецких диалектов. В области Готия выделяются следующие древние ономастические пласты, представляющие тюркскому и славянскому: древнеиндоевропейский диалектный, индоарийский, сарматоаланский, греческий (др.-греч., ср.-греч., н.-греч.), готский (герм.).

О.Н. Лазаренко (Киев) выступила с докладом “Об этимологических словарях украинского языка”. Докладчица отметила, что одной из сторон активной научной деятельности О.Н. Трубочева на поприще этимологии было также рецензирование этимологических словарей различных славянских языков, в том числе и украинского языка. О.Н. Труба-

чев подготовил рецензии и на предыдущие 4 тома ЕСУМа, но они так и не были опубликованы. Представляется, что следует опубликовать рецензии О.Н. Трубочева на рукописи ЕСУМа, чтобы ознакомить широкий круг читателей с еще одной страницей научной деятельности ученого.

В.К. Шербин (Минск) прочитал доклад “О.Н. Трубочев как науковед”. Содержательная интерпретация науковедческих обобщений О.Н. Трубочева позволила автору доклада сгруппировать их по существующим направлениям современного науковедения: история науки, организация науки, методология науки, социология науки, психология науки, философия науки, этика науки, язык науки и др.

С докладом памяти О.Н. Трубочева “Уроки И.И. Срезневского и О.Н. Трубочева в изучении земли вятичей” выступили Е.В. Архипова, Н.В. Колгушкина, Н.В. Осипова (Рязань).

В докладе Е.П. Осиповой “Историческая и лингвистическая география Рязанского края” была затронута проблема комплексной реконструкции ареалов по данным разных наук. Проанализированы лингвистические ареалы диалектных названий предметов традиционного народного женского костюма южной и юго-западной части территории Рязанской области.

Выделение южного лексического ареала докладчица связала с активно обсуждаемым историками, археологами, этнографами вопросом об участии донских славян в заселении Рязанской земли и провела параллели с археологическими и этнографическими данными. Лексикографические источники позволили проследить продолжение некоторых взоглосс в орловских, курских и тульских говорах. Отмечена локализация лексем *убор(а)* ‘нарядная, праздничная одежда’, *чекмень* ‘длиннополая одежда из сукна со сборками’, *шушка, шушун* ‘женская одежда туникообразного покроя’, *чопки, чопсы* ‘серьги’ и др. на границе с тульскими и липецкими говорами. Достаточно плотные на юго-западе ареалы перечисленных лексем значительно разрежены в направлении северо-восточной части области. Данный факт может представлять интерес в связи с предпринятой акад. О.Н. Трубочевым попыткой определения инновационного центра языкового ареала, который помещен ученым в среднезападную часть южновеликорусского пространства.

Доклад Т.В. Рождественской (Санкт-Петербург) “Проблемы изучения древнерусской эпиграфики: итоги и перспективы” был посвящен проблемам исследования памятников древнерусской эпиграфики с точки зре-

ния метода лингвистического источниковедения. Т.В. Рождественская охарактеризовала современное состояние эпиграфических исследований прежде всего памятников настенной храмовой эпиграфики. Опыт лингвистического изучения новгородских берестяных грамот, с которыми надписи граффити на стенах храмов имеют ряд общих черт с формальной точки зрения (тип письма), заставляет объединить усилия палеографов, лингвистов, реставраторов при обращении к специфическим письменным источникам, каковыми являются памятники эпиграфики. Т.В. Рождественская представила аудитории две новонайденные надписи граффити XV в. из церкви Успения на Волоотовом поле в Новгороде, в которых цитируются стихира и тропарь Службы Великого пятка. Палеографический, графико-орфографический, текстологический анализ этих текстов позволил автору доклада определить их место в славянской рукописной традиции, связанной с иерусалимской редакцией литургического языка. Автор также сообщил о подготавливаемом ею каталоге богослужебных надписей в составе фресковых композиций (на свитках пророков и святителей) и литургических граффити в интерьерах храмов Древней Руси XI–XV вв.

Т.М. Фадеева (Москва) в своем докладе «Тавро-траpezундские истоки в геральдике двуглавого орла»² сообщила, что существует несколько точек зрения относительно обстоятельств появления на российском гербе двуглавого орла. Наиболее общепринятая и устоявшаяся с XVIII в. концепция считает это следствием женитьбы Великого князя московского Ивана III на Софии Палеолог, дочери деспота Морей Фомы Палеолога и племяннице последнего византийского императора Константина XII Драгаша. Еще в XIX в. была высказана, а в 1966 г. подробно обоснована американским историком Г. Алефом точка зрения, согласно которой принятие двуглавого орла в качестве государственной печати было мотивировано реакцией Великого князя московского на то, что император Священной римской империи (Габсбург) использует на государственной печати двуглавого орла, причем с 1442 г.; в ответ на это он также стал использовать аналогичный герб. В этих концепциях выпадает один важный момент. Византия еще не знала гербов в современном смысле слова, или употребляла в качестве такового крестообразно разделенный щит с че-

тырьмя буквами «В» (василевс) меж ветвей креста. Что касается двуглавого орла, то этот древний священный символ, особо избранный в качестве фамильного последней царствующей династии Палеологов, только проделывал путь превращения в государственный герб, и, парадоксально, это превращение в государственную эмблему гораздо ранее произошло на других землях – в южнославянских странах (Болгарии, Сербии, Румынии). Докладчицу особенно интересует этот процесс на материалах Причерноморья – в Траpezундской империи и в княжестве Феодоро, в Крыму, где он уже в XIV–XV вв. употреблялся в качестве герба. Ранний пример – это воспроизведение венецианской карты-портлана 1321 г. из недавних публикаций секретных архивов Ватикана. В соответствии с вкусами времени, она была украшена флагами-штандартами с изображением гербов и эмблем государств, окружавших Черное море. В северном Причерноморье, включая Крым, господствуют флаги с тамгой Золотой Орды; в Крыму, кроме того, – штандарт Генуэзской и Венецианской республик, и, наконец, в Траpezундской империи – штандарт с двуглавым орлом, тогда как Палеологовская Византия, точнее, Константинополь, представлен эмблемой с крестом и четырьмя буквами «В» (василевс). Итак, в I-й четверти XIV в. в собственно византийской империи эта эмблема еще частная, а в осколках этой империи – уже государственная. Известен двуглавый орел и на монетах траpezундских императоров того же времени. Правители Траpezундской империи из династии Великих Комнинов, в свою очередь, считали своими «заморские владения» (параталассия) – Юго-Западный горный Крым, бывшую фему «Херсон и Климаты», на землях которой в XIV–XV вв. образовалось княжество Феодоро, фактически независимое. Правители княжества из знатного армянского рода Гаврасов, выходцы из области Халдия в Малой Азии, гордились родственными отношениями с Комнинами, Кантакузинами, Палологами. Сохранились геральдически оформленные плиты 1425, 1427 и 1459 гг. с монограммой князя Алексея, «владельца Феодоро и Поморья» и Палеологовским двуглавым орлом. Характерно, что обе головы орла увенчаны коронами. Таким образом, именно на окраинах византийского мира, в первую очередь с православным греческим, а затем и славянским населением завершился процесс перехода фамильной эмблемы Палеологов в государственный герб.

М.И. Чернышева (Москва) выступила с докладом «Из истории древнерусской антропологической лексики». Предложенный анализ антропологической лексики (название ча-

² Данный доклад излагается более подробно в связи с тем, что он касается истории элементов государственной символики.

стей тела) показывает, что представление о каждом из понятий связано, с одной стороны, с животным миром, с другой – с миром вещей (нерукотворных, природных и рукотворных) и, наконец, способны выходить за пределы “человеческого мира”, поскольку некоторые слова этой группы заключают в себе жизне-хранительные начала (например, *тѣла, жила, кровь*), а некоторые через огонь и свет тесно соединены с божественной сущностью в человеке (самая яркая иллюстрация тому – слово *околови*).

В докладе Г.Я. Романовой (Москва) о торговых связях Северного Причерноморья и Древней Руси рассмотрены пути заимствования и дальнейшего использования в русском языке одного из метрологических терминов, впоследствии ставшего частью общерусской метрологической системы. Заимствованный в результате торговых сношений с Крымом в конце XV в. термин *аршин* (из турец. *arşin, arşim*) вступает во взаимодействие с собственно русским термином *локоть* и вытесняет его сначала как торговую меру для тканей, а затем и как меру длины вообще. Из двух терминов, обозначающих в типологическом отношении сходные меры, предпочтение было отдано большей по величине мере аршину, поскольку потребность позднейших обществ лучше отвечали крупные меры.

В Херсонесе Таврическом состоялся доклад С.А. Беляева (Москва) “Херсонес и епископ Римский Климент”. Участники конференции обратились к главам светской и церковной власти России, Украины и Беларуси с предложением учредить праздник Св. Владимира 15 (28) июля как общевосточно-славянский.

В докладе Т.Л. Мироновой (Москва) “К этимологии слова *крест*” дана попытка альтернативной исконно-славянской этимологии старого германизма *крест*.

В Черноморском филиале МГУ (г. Севастополь) состоялся доклад В.А. Масловой (Москва) “Истоки праславянской фонологии”, посвященный памяти О.Н. Трубачева, по мнению которого, “славянская проблематика является продолжением индоевропейской”, “наиболее актуальным является вопрос об индоевропейских истоках праславянского языка и славянского этногенеза”. В центре внимания доклада находится реконструкция фонологической системы протославянского диалекта праи.-е. языка (“праиндоевропейский с самого начала был группой диалектов”, “славяне представляют свою собственную эволюцию индоевропейского лингвистического типа, отличную от балтийской”. – О.Н. Трубачев) и фонетических процессов

этого диалекта с их фонологическими последствиями. С использованием таблиц В.А. Маслова показала, что в основе фонетических процессов лежит слабая включенность и.-е. фонемы *s в систему консонантизма (16 смычных и одна только фрикативная фонема *s!). У этой фонемы появятся соответствующие коррелятивные фонемы *z и *h по дифференциальным признакам звонкости и гуттуральности (заднеязычности). Возникновение новых пар *s: *z и *s: *h произойдет с помощью сатэмовой палатализации гуттуральных *k, *g, *gh, которая, являясь первой, по сути праиндоевропейской, палатализацией заднеязычных, стала главнейшим источником происхождения праславянских фонем *s (новой, праславянской) и *z (*сердце, сто, просить; земля, зима, зерно, звать/зову, язык и др.*). Именно в протославянском диалекте сформировались истоки праславянской фонологии и зародились две основные тенденции – к восходящей звучности (открытому слогу) и внутрислоговому сингармонизму.

Там же состоялся не запланированный ранее доклад М.И. Чернышевой о “В память о Трубачеве”, целью которого было привлечь внимание студентов к наследию О.Н. Трубачева. В докладе говорилось об открытиях и достижениях О.Н. Трубачева в области славистики и индоевропейистики и специально – о его работах, связанных с Северным Причерноморьем (гипотеза о существовании Азовско-Черноморской Руси, открытие одной из ранних форм индоарийского языка), а также о задачах данной конференции.

В докладе В.Ю. Франчук (Киев) «Неопубликованные материалы “Этимологического словаря” А.А. Потебни» речь шла о материалах по исторической лексикологии, которые хранятся в архиве ученого.

Доклад А.Л. Хорошкевич (Москва) был посвящен “Запискам иностранцев второй половины XVI – первой половины XVII в. как источник по истории славянских языков (русского, украинского, польского)”. Нарративные материалы, известные под собирательным названием “записки иностранцев”, принадлежат перу дипломатов (Я. Ульфемут), купцов (М. Груневер), политических авантюристов (Г. Штаден), военных на службе восточноевропейских государей (Маржерет, Боплан), духовных лиц (А. Поссевини, П. Одерборн). Значимость их в данном контексте зависит от а) предшествующего знания славянских языков; б) филологических способностей; в) длительности пребывания в описываемой стране (колебавшейся от нескольких месяцев до двух десятилетий); г) внутренней ситуации в этой стране. Докладчица отметила необходимость дальнейшего тщательного анализа топонимов

и политико-географической номенклатуры подобных сочинений.

В докладе О.В. Прискоки (Киев) “Еще об одном типе исторического словаря” анализируется новый указатель к третьему изданию “Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)” ред. Р.М. Цейтлин, Э. Благова, Р. Вечерка. Предложен вниманию собравшихся проект исторического словаря слов, фиксированных в письменности неславянских народов в дописьменный у славянских народов период, например: славянское слово *сало* в армянской рукописи VII в. и др.

Тему изучения древнейшей лексики Кирилло-Мефодиевой традиции продолжил К.А. Максимович (Москва) в докладе «Архаичная западнославянская лексика в Мефодиевском “Зако́не судном людем”».

Был зачитан доклад М.М. Шетеля (Москва) “Польские параллели на страницах СлРЯ XI–XVII вв.”.

А.Г. Григорян (Москва) сделал доклад “О выражении *сгореть со стыда*”.

Л.Ю. Астахина (Москва) прочла доклад “Призрачные слова в историческом словаре”. Автором предлагается термин для их обозначения – псевдогапаксы. Несуществующее слово может возникнуть вследствие неправильного деления сплошного рукописного текста на слова: *сверла кипери* – *сверлаки перити*; *лев придеревый* – *лев приде ревый* и др. Другая причина – неверное чтение строчных или выносных букв: *тынье* – *тылье* [тые].

24–25 сентября в Санкт-Петербурге состоялась I Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей, организованная Институтом лингвистических исследований РАН при финансовой поддержке Президиума РАН (Программа “Этнокультурное взаимодействие в Евразии”) и гранта Президента РФ для поддержки ведущих научных школ. Особенностью конференции стало то, что не только участниками, но и организаторами ее выступили молодые ученые – в первую очередь аспиранты Лаборатории типологического изучения языков ИЛИ РАН.

К началу конференции был издан сборник тезисов докладов (СПб.: “Наука”, 2004)

Помимо 22 докладов, представленных молодыми исследователями, в программу конференции были включены лекции трех приглашенных докладчиков – крупных российских типологов, чьи работы хорошо известны в отечественной и зарубежной лингвистике.

Здесь приходят на помощь категории лингвистического источниковедения – лингвистическая содержательность и лингвистическая информационность.

Большой интерес вызвали доклад М.Ю. Досталь (Москва) “Первые археологические изыскания в Северном Причерноморье и их вклад в развитие отечественной науки” и доклад директора художественного музея В.В. Буряк (Днепропетровск) «Дворец князя Потемкина Таврического в Екатеринославе – часть “Трещского проекта”».

В рамках программы конференции прошли презентации электронного издания “Этимологический словарь русского языка” М. Фасмера 2004 г., книжных изданий “Князь Теодоро. Крымско-готский сборник” и “Добрый старый Коктебель”; научные лекции-экскурсии “Архивы русской эмиграции 1917 г.”, “Крымская война глазами английских и французских художников”, “Христианские древности Корсуня” в историко-архитектурном заповеднике “Херсонес” и “Столица княжества Теодоро”.

Тексты докладов и сообщений готовятся к изданию в сборнике статей к 75-летию академика О.Н. Трубачева (2005 г.) сотрудниками отдела этимологии и ономастики Института Русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

А.К. Шапошников
(Коктебель)

Лекция В.С. Храковского (С.-Петербург) “О соотношении эвиденциальности и (ад)миративности” была посвящена соотношению универсальных семантических категорий эвиденциальности и адмиративности, которые различными способами реализуются в грамматических категориях конкретных языков. Был сделан вывод о равноположенности эвиденциальности и адмиративности. В русском языке отсутствуют специальные средства для выражения эвиденциальности, в то время как для выражения одного из адмиративных значений используется вводное слово “оказывается”, интересные наблюдения по поводу употребления которого были представлены в лекции.

Большой интерес аудитории вызвала лекция Я.Г. Тестельца (Москва) “О трех моделях морфологической структуры”. Преимущественно на весьма наглядном материале полисинтетического адыгейского языка докладчик сравнил три модели структуры словоформы, которые широко используются в современной морфологии. Порядок в а

структура, учитывающая прежде всего линейный порядок элементов словоформы, относительно проста и наглядна, но неспособна учесть иерархические отношения между аффиксами и содержащими их основами. В частности, она запрещает реально существующие в языке рекурсивные повторения некоторой деривации. Структура составляющих, представляющая словоформу как иерархию вложенных друг в друга основ, напротив, предсказывает реально не засвидетельствованные случаи рекурсивного усложнения, поскольку основы оказывается невозможным разбить на классы с одинаковыми дистрибутивными свойствами подобно тому, как группы в синтаксисе объединяются во фразовые категории. Для адекватного описания огласовок префиксов в адыгейской глагольной словоформе информация, отражаемая в порядковой структуре и структуре составляющих, оказывается недостаточна: требуется обращение к метрорифмической структуре, которая включает в себя фонотактические и просодические ограничения на состав морфемной цепочки. Актуальной задачей общей морфологии является разработка такой модели структуры словоформы, которая позволила бы свести воедино информацию о линейной и иерархической упорядоченности категориальных аффиксов, дистрибутивных классах основ, просодии и фонотактике.

Свою лекцию "Реципрокальный показатель при неглагольных основах" В.П. Недялков (С.-Петербург) посвятил маргинальному, но типологически весьма интересному явлению – сочетанию реципрокального показателя с неглагольными (в первую очередь, именными и наречными) основами. Получающиеся таким образом дериваты могут иметь широкий спектр значений, в который входят значения, типичные для лексических реципроков, и тесно примыкающие к ним конверсивные значения. По морфологической характеристике основы и деривата, образуемого реципрокальным показателем, автор выделил два типа деривационных пар – глагольно-именной (с четырьмя подтипами) и наречный. Реципрокальные показатели, способные сочетаться с неглагольными основами, подразделяются на три типа: стандартные, для которых функция образования реципроков от глагольных основ является основной, полустандартные – сложные показатели, включающие в свой состав показатель, основной функцией которого является образование реципрокальных глаголов от неглагольных основ, и нестандартные, не имеющие материального сходства со стандартными показателями. Каждый из выделенных типов деривационных пар был подробно охарактеризован с точки зрения используемого

показателя реципрока и возможного реципрокального значения.

В докладе С.С. Са я (С.-Петербург) "Лексическая семантика глагола и антипассивная деривация" рассматривается взаимодействие антипассивной конструкции с лексической семантикой глагола. На широкой выборке языков выявляются лексические закономерности поведения глагольных основ в составе антипассивных конструкций, при этом оспаривается распространенное представление об антипассивизации как о преимущественно словоизменительном явлении, зеркально симметричном пассиву. Предлагается выделять в глагольной лексике класс "естественных антипассивов", семантика которых естественным образом предполагает антипассивное прочтение, что отражается на особенностях их поведения в рамках соответствующей конструкции.

А.П. Леонтьев (Москва) в своем докладе "Семантическая карта для примененного зависимого" применил метод семантического картирования к описанию различных стратегий кодирования именного зависимого. Построенная докладчиком предварительная карта, в качестве узлов которой выступают различные семантические типы генетивных отношений, может служить основой для построения более подробной многомерной карты для примененного зависимого.

В докладе М.Ю. Иванова (Москва) "Мультипликативность, типы предикатов и предельность" были представлены интересные данные балкарского языка, позволяющие поновому взглянуть на соотношение значения мультипликативности с семантическим типом предиката и предельностью. В балкарском языке некоторые мультипликативы демонстрируют нетипичные для глаголов этого класса акциональные свойства: так, они допускают неопределенное прочтение в семельфактивном употреблении и, наоборот, предельное прочтение в многоактном употреблении (при присоединении инкрементальной темы). Это вынуждает давать независимые характеристики одноактным и многоактным употреблениям мультипликативных глаголов при определении состава акциональных классов.

А.В. Архипов (Москва) "Языки 'AND' и языки 'WITH': сколько делений бывает на бинарной шкале?" предложил уточнить известную классификацию языков по способу соединения именных групп, предложенную Л. Стассеном. Измененная классификация позволяет более полно учесть межязыковые различия в возможности дифференциации более и менее "равновесных" конструкций.

В докладе А.В. Андреева (С.-Петербург) "Об использовании множественных зависимостей для моделирования грамматических категорий" была показана недостаточность

традиционного аппарата синтаксических зависимостей при моделировании некоторых явлений русского морфосинтаксиса.

Проблема взаимодействия предельности и аргументной структуры предикации была рассмотрена в докладе Ф.И. Дудчука (Москва) "Предельность в венгерском языке" на материале венгерских перфективирующих префиксов. Докладчик пришел к выводу, что в венгерском предельность и переходность определяются в одном и том же узле AspP. Предложен расширенный вариант Принципа плюсов Х. Феркайла, который, согласно рабочей гипотезе, должны использовать языки с перфективирующими префиксами, такие как русский и венгерский.

Несмотря на то, что употреблению послелога *гā* в современном персидском языке посвящена обширная литература, некоторые особенности его функционирования остаются до сих пор несными. А.П. Выдрин (С.-Петербург) в докладе "Послелог *гā* в персидском языке" выдвинул гипотезу о том, что одним из основных значений этого послелога является полная охваченность объекта действием.

Доклад М.Ю. С мо л и н о й (С.-Петербург) "Комитатив/инструментальный падеж в старокрымском диалекте урумского языка" был посвящен функционированию одного из падежных показателей в вымирающем языке приазовских греков-туркофонов. Некоторые употребления комитативно-инструментального показателя, восходящего к словообразовательному суффиксу, могут быть объяснены как следствие языкового контакта.

В своем докладе "К вопросу о вариативности вспомогательного глагола в баскском языке" Н.М. З а и к а (С.-Петербург) проанализировала группу баскских глаголов, характеризующихся несовпадением ядерных аргументов предложения и набором согласовательных показателей, принимаемых вспомогательным глаголом. В докладе утверждалось, что с устранением такого нетипичного для баскского языка расхождения связано возникновение вариативности в модели управления рассматриваемых глаголов, и предлагался детальный анализ закономерностей подобного варьирования.

Н.В. Сердобольская (Москва) в докладе "Когнитивные предпосылки подъема аргумента" на материале ряда языков, в первую очередь алтайских, рассмотрела когнитивную структуру полипредикативных конструкций, в которых происходит подъем аргумента, т.е. актанта зависимой предикации получает грамматическое оформление от вершинного предиката главной. Основной вывод доклада заключался в том, что вынос аргумента в главную клаузу используется для подчеркивания

широкой сферы действия именной группы, и таким образом синтаксическая структура предложения приближается к иконическому отражению когнитивной структуры дискурса.

О.П. Д м и т р и е в а (С.-Петербург) опубликовала тезисы "Об одном типе конструкции следования в португальском языке", в которых на материале корпусных данных проанализировала семантику бипредикативных конструкций с союзом *antes que* в бразильском варианте португальского языка.

В двух докладах, предшествовавших лекции Я.Г. Тестельца, были рассмотрены различные аспекты грамматики адыгейского языка в типологическом освещении. В докладе Д.В. Герасимова (С.-Петербург) "Нулевые аргументы в адыгейских конструкциях с сенсациональными актантами" был поставлен вопрос о синтаксической природе нулевых аргументов в адыгейских КСА, где кореферентное опущение возможно как в главной, так и в зависимой предикации. Докладчик показал, что референция нулевого аргумента в общем случае восстанавливается, исходя из дискурсивных факторов, и не подлежит синтаксическим ограничениям. В то же время анализ нулевых аргументов КСА как случая распространенного в адыгейском языке про-дропа наталкивается на свои трудности. В докладе А.Б. Л е т у ч е г о (Москва) "Адыгейский реципрок: многообразие и закономерности" были подробно рассмотрены различные анафорические и аффиксальные средства выражения реципрокального значения в адыгейском языке и описаны факторы, влияющие на их употребление. Составное реципрокальное местоимение *эм эг* (дословно 'один одного') может факультативно контролировать личное согласование глагола как единый участник или же как два участника, занимающие разные синтаксические позиции, что может служить опровержением гипотезы о прономинальных аргументах применительно к адыгейскому языку.

А. Л. Леонтьева и Н. В. Сердобольская (Москва) в докладе "Опыт создания двуязычного словаря объяснительного типа" подняли проблему адекватного представления лексической семантики в двуязычном словаре, приобретающей особое значение в свете необходимости скорейшей документации вымирающих языков. В качестве иллюстрации докладчики рассмотрели сложности, возникающие при описании семантической структуры некоторых лексических единиц бесермянского языка в бесермянско-русском словаре.

Доклад М.З. Муслимова (С.-Петербург) «"Эквивалентность" грамматических категорий и переключение кодов» был посвя-

щен нетривиальному случаю переключения кодов – переключению внутри именной группы – и влиянию грамматического типа контактирующих языков (прежде всего параметра вершинного/зависимостного маркирования) на возможность такого переключения.

В докладе П.М. Аркадьева (Москва) “О некоторых нетривиальных случаях взаимодействия морфологических категорий числа и падежа” обсуждаются случаи нейтрализации значений одной (именной) категории в контексте немаркированного значения другой (например, нейтрализация падежного противопоставления в контексте единственного, но не множественного числа) и возможные сценарии их возникновения. Выясняется, что, хотя такого рода конфигурации и противоречат общепринятым взглядам на роль маркированности в организации словоизменительных парадигм, они достаточно регулярно фиксируются в самых различных языках.

Новая трактовка бесермянской формы на *-т*, традиционно описываемой как “активно-пассивное причастие прошедшего времени”, была предложена Н.Б. Араловой и А.В. Фаинейц (Москва) в докладе “Полифункциональное причастной формы (на материале бесермянского языка)”. Форма на *-т* может выступать в качестве вершины относительной клаузы, в качестве вершины актантной клаузы и в качестве сказуемого независимого предложения. Докладчики предложили трактовать эту форму как номинализацию, а ее употребление в качестве вершины относительной клаузы – как аппозитивную конструкцию. Результаты, полученные на бесермянском материале, могут оказаться востребованы для описания схожего явления в целом ряде алтайских и финно-угорских языков.

Единственный зарубежный участник конференции С. Бирцер (Регенсбург, Германия) в докладе “О соотношении между различными типами деепричастий в кодифицированном русском языке и степени их грамматикализации” исследовала зависимость между функцией, выполняемой деепричастием в русском языке (герундиальной, абсолютной, предложной), и степенью его грамматикализации, складывающейся из значений таких параметров, как валентность, парадигматичность и синтаксическая целостность. Деепричастия с герундиальной функцией оказываются наименее грамматикализованными, в то время как наивысшая степень грамматикализации характеризует деепричастия с предложной функцией.

Доклад А.В. Богданова (Москва) “О влиянии фокуса эмпатии на восстановление субъекта независимого инфинитива в русском языке” был посвящен инфинитивам в функции сказуемого независимой клаузы. Докладчик предложил классификацию независимых инфинитивов, проанализировал способы вос-

становления их субъекта и подтвердил при помощи ряда тестов влияние фокуса эмпатии на возможность такого восстановления.

С.В. Иванов (С.-Петербург) в своем докладе “О некоторых нестандартных способах использования назализации” остановился на проблеме назализации как вторичного показателя “объектного антецедента” в древнеирландской клефтовой конструкции. Опираясь на данные др.-ирл. глосс, докладчик проследил путь проникновения назализации в конструкции с объектным антецедентом. Исключительность появления назализации при субъектном антецеденте может считаться еще одним свидетельством в пользу особого статуса клефтов в синтаксисе др.-ирл. языка.

Е.А. Парина (Москва) в докладе “Рефлексивные местоимения в средневаллийском языке” рассмотрела средневаллийские конструкции, традиционно описываемые как “рефлексивные местоимения” и представляющие собой сочетания специальных форм посессивных местоимений со словами-интенсификаторами. Некоторые типологически небанальные синтаксические свойства этих конструкций ранее не изучались в силу сходства последних с английскими *self*-местоимениями; тем не менее функционирование рассматриваемых валлийских конструкций представляет большой интерес в контексте современных типологических представлений об интенсификаторах и рефлексивных местоимениях.

Сопоставлению употребления так называемых определенных и неопределенных форм прилагательных в балтийских языках был посвящен доклад А.Д. Даугавет (С.-Петербург) “О категории определенности у прилагательных в литовском и латышском языках”. Было показано, что диахронически соотносимое противопоставление прилагательных по определенности/неопределенности занимает различное место в системе литовского и латышского языков, а поверхностное сходство функционирования двух классов форм в этих языках может объясняться различными принципами.

В ходе заключительной дискуссии было отмечено, что в целом конференцию следует признать исключительно удачным опытом обмена мнениями между молодыми исследователями, работающими в области типологии. Остается выразить надежду на то, что в дальнейшем конференция приобретет статус ежегодной, что будет способствовать поддержанию диалога между молодыми типологами из различных научных центров России, прежде всего – из Санкт-Петербурга и Москвы.

Д.В. Герасимов, С.С. Сай
(С.-Петербург)